

Tatiana V. Toporova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Proper Name as a Marker of a Cosmogonic Song

Voprosy onomastiki, 2017, Volume 14, Issue 2, pp. 55–70

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.010

Language of the article: Russian

Топорова Татьяна Владимировна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Имя собственное как маркер космогонической песни

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 55–70

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.010

Язык статьи: русский

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК МАРКЕР КОСМОГОНИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы доказать внутреннюю цельность «Речей Гримнира», выдвинуть гипотезу об имени собственном как ключе к пониманию структуры и семантики этой эддической песни. В «Речах Гримнира» имя с прозрачной семантической мотивировкой может как эксплицировать ключевые признаки денотата в тулах, представляющих собой исчерпывающие классификационные схемы, так и имплицировать их (ср. множественность имен Одина, служащих для сокрытия его подлинного имени и сути). Самоидентификация Одина в финале песни, отказ от его многочисленных имен и прямая номинация («я», «Один») могут рассматриваться как особое экстатическое состояние, при котором открываются высшие знания о происхождении и устройстве Вселенной, а также подлинная сущность самого Одина. Антитеза имени-экспликатора и имени-импликатора свойств субъекта и объекта может нейтрализоваться в акте жертвоприношения, когда Один постигает информацию о происхождении и устройстве Вселенной, причем имена собственные представляют и объекты — персонифицированные элементы Вселенной в концепции космогенеза (реки, олени), и субъектов (валькирий, бога Одина). Поэтому не что иное, как имя собственное является композиционной скрепой, объединяющей две части «Речей Гримнира» — прозаическое обрамление и основную часть повествования. В «Речах Гримнира» представлена идеальная модель мира, воплощенная первым и наилучшим именем собственным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Старшая Эдда», древнеисландский язык, имя собственное, внутренняя форма имени, имя-экспликатор, имя-импликатор, космогоническая песня, идеальная модель мира.

Объектом исследования в настоящей статье являются «Речи Гримнира», входящие в состав «Старшей Эдды», древнеисландского стихотворного эпоса, дошедшего до наших дней в нескольких рукописях конца XIII — начала XIV в. и включающего песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода времени функционирующие в устной традиции. Эддические «Речи Гримнира» датируются концом языческой эпохи. С точки зрения композиции эта песня состоит из двух частей. Во введении приводится прозаическое обрамление, в котором повествуется о том, что верховный бог скандинавского пантеона Один и его жена Фригг, озирая миры со своего престола Хлидскьяльв, поспорили о судьбе своих питомцев Агнара и Гейррёда и Один под именем Гримнир (букв. «Маску (имеющий)») отправился в путь, чтобы опровергнуть слухи о скупости Гейррёда. В это время Фригг, желая опередить Одина и навредить Гейррёду, послала к нему служанку с вестью о том, что его владения посетит колдун, на которого не нападет ни одна собака, и этого колдуна следует задержать. Гейррёд устроил пришельцу, который к тому же не сообщал о себе ничего, пытку между двух костров в течение восьми ночей. Эпизод со спором между Одним и Фригг нельзя считать эддическим окказионализмом, поскольку имеется параллель из другого древнегерманского ареала, т. е. речь идет об общегерманском наследии. В «Истории лангобардов» Павла Диакона (VIII в.) представлен эпизод, в котором также фигурируют Водан и Фрийя; в нем сообщается о том, что «Водан покровительствует вандалам, а Фрийя — винилам, она советует своим любимцам сделать так, чтобы женщины винилов вышли перед битвой пораньше и привязали свои волосы, как бороды. Так как Водан предсказал победу тем, кто раньше окажется на поле боя, то победили винилы» [МНМ, 1, 286]. Как видим, помимо тех же персонажей, зафиксирован и момент состязательности, а также коварства, проявленного Фрийей. Данный источник заслуживает доверия хотя бы потому, что Павел Диакон пересказывает этнонимическую легенду о происхождении лангобардов, букв. «длиннобородых».

Основная часть песни, представленная в виде монолога Одина — Гримнира, весьма гетерогенна: «здесь и перечень жилищ богов, и описание Вальхаллы и ее обитателей, и перечень рек, и перечень коней асов, и описание ясеня Иггдрасиль и его обитателей, и перечень валькирий, и сведения о сотворении мира, и перечень имен Одина» [Стеблин-Каменский, 1963, 223].

«Речи Гримнира» привлекали внимание специалистов [ср. некоторые работы: Falk, 1924; Krappe, 1933; Olsen, 1933; Vries, 1934; Starý, 2012] по ряду причин:

- как и «Прорицание вельвы» и «Речи Вафтруднира», эта песня образует ядро мифологического цикла «Старшей Эдды»;
- сведения о происхождении и устройстве Вселенной составляют содержание песни, т. е. речь идет не о разрозненных фактах, а о целом смысловом блоке;
- отражение в песне языческого мировоззрения не подлежит сомнению, поэтому имеется благоприятная возможность для реконструкции эддической мифопоэтической модели мира;

▪ отсутствие внутренней связи между излагаемыми в песне мифологическими сведениями, с одной стороны, и между ними и прозаическим обрамлением, с другой, служило камнем преткновения для интерпретаторов.

Главная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы доказать внутреннюю цельность «Речей Гримнира», выдвинуть гипотезу об имени собственном как ключе к пониманию структуры и семантики этой эддической песни и исследовать языковые способы, служащие для ее реализации.

С точки зрения жанра доминирующая роль в «Речах Гримнира» принадлежит *космогонической песне*, которая предназначена для описания мифа творения, причем «актуальное состояние вселенной в мифопоэтическом мышлении связывается воедино с ее происхождением как следствие с причиной: <...> то, что порождено в ходе создания и устройства космоса, и является его составом; все, что входит в состав космоса, возникло в ходе его развития» [МНМ, 2, 6]. Космогоническая песня ориентирована на прецедент, «служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что он имел место в первоначальные времена, “в начале”. Для архаического сознания мифопоэтической эпохи все, что есть, — результат последовательных воспроизведений прецедента, первособытия, экспликация исходной ситуации (творение) применительно к новым условиям “оплотняющегося” космологического бытия» [Топоров, 1998, 60]. Ядро песни составляет демиургический акт — «созидание элементов мироздания, космических и культурных объектов, людей» [МНМ, 1, 366]. Роль имени и ритуала называния в мифопоэтической традиции можно охарактеризовать следующим образом: «Творение было завершено, когда все, что было сотворено, получило свое имя-слово (здесь и далее разрядка наша. — Т. Т.), и именно этот ономастический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем; оно было сакрально» [Топоров, 1998, 35]. Иными словами, в архаичной мифопоэтической модели мира апелляция низводится до своих истоков и функционирует как первое имя, отсылая к прецеденту — ономастическому акту во времена первотворения.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу «Речей Гримнира» сквозь призму имени собственного, следует дать краткую характеристику *номинализма* как важнейшего феномена мифопоэтической традиции. Суть этого явления заключается в утверждении бытия только названных объектов и принципиальной недопустимости существования предметов, не имеющих наименований. Именно этим обстоятельством объясняется операционность мифопоэтического мышления, когда ответом на вопрос о происхождении того или иного предмета или явления служит указание его имени, обладающего ясной семантической мотивировкой. Для интерпретации «Речей Гримнира» необходимо указать ключевые принципы мифопоэтической ономастической концепции:

▪ неконвенциональный характер имени собственного: имя представляет собой не этикетку или ярлык, а символ, соотносимый с природой индивида;

▪ креативная функция называния, согласно которой имя первично по отношению к объекту: оно не только выражает внутреннюю сущность индивида, но и оказывает на него активное воздействие, конституирует его судьбу;

▪ сакральность ономастического акта, совершаемого существами божественной природы (ср. сюжет о богах, сотворивших из дерева людей и нарекших их именами в «Старшей Эдде»).

Идею номинализма наиболее полно реализует *тула* (др.-исл. *bula*) — особый поэтический жанр древнеисландской литературы, объединяющий стихотворные произведения, целиком состоящие из имен собственных¹ и произносимые жрецом (др.-исл. *pulr*), хранителем мудрости. Восприятие тулы как преимущественно мнемотехнического приема, позволявшего запоминать и передавать из поколения в поколение информацию — прежде всего фактологическую, было бы односторонним и не вполне адекватным, так как в тулах имена приводились без всякого контекста, они были упорядочены согласно принципам поэтической организации (аллитерации, рифмы, наличия общего словообразовательного элемента, по признаку парности). В тулах, чья структура в значительной степени используется для удобства запоминания, очевиден интерес к форме самой по себе, вне зависимости от содержания, т. е. в них реализуется и эстетическая функция. Весьма существенно, что именно тулами являлись древнейшие памятники германцев — аллитерационный ряд племенных названий, приводимый Плинием и Тацитом, генеалогические ряды лангобардов и некоторые другие примеры. Типологическим аналогом тулы можно считать эддические «Речи Альвиса», где каждый элемент Вселенной обозначается на языке богов, людей, карликов и великанов, т. е. репрезентированы с п и с к и наименований. Ср.: «Альвис, скажи мне, <...> названьем каким небо зовется в разных мирах? — У людей это — небо, а твердь — у богов, ткач ветра — у ванов, верх мира — у турсов, кровля — у альвов, дом влажный — у карликов» [СЭ, 64].

Таким образом, суть космогонической песни — «Речей Гримнира» — наиболее адекватно отражают следующие группы лексем, имеющие непосредственное отношение к явлению *номинации*.

«Имя»: «eino nafni hétome aldregi, // síz ec með fólcom fór» (Grm., 48)² <одним именем я никогда не назывался, // с тех пор как с дружиной странствовал>³;

¹ Специально об именах в тулах см. [Гуревич, 1989].

² Здесь и далее атрибуция цитат из «Речей Гримнира» производится по изданию *Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* (Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1962), сокращенно — Grm. (*Grímnismál* — «Речи Гримнира»); при этом в круглых скобках указывается также номер строфы. Русский перевод контекстов приводится по изданию [СЭ] (см библиографию).

³ Знак * здесь и далее обозначает дословный перевод.

Перечень имен (тула)

тула рек: «Síð oc Víð, Sækin oc Eikin, // Svöl oc Gunnþró, // Fiörm oc Fimbulþul, // Rín oc Rennandi, // Gipul oc Göpul, // Gömull oc Geirvimul, // þær hverfa um hodd goða, // Þyn oc Vín, Þöll oc Höll, // Gráð oc Ginnþorin. // Vína heitir enn, önnor Vegsvinn, // þriðia Þjóðnuma, // Nyt oc Nöt, Nönn oc Hrönn, // Slíð oc Hríð, Sylgr oc Ylgr, // Víð oc Ván, Vönd oc Strönd, // Giöll oc Leiptr, þær falla gumnom nær» (Grm., 27–28) <Сид и Вид, Сёкин и Эйкин, // Свёлъ и Гуннтро, // Фьёрм и Фимбультуль, // Рейн и Реннанди, // Гипуль и Гёпуль, Гёмуль и Гейрвимуль // у жилища богов, // Тюн и Вин, Тёлль и Хёлль, // Град и Гуннторин. // Вина — одна, Вегсвин — другая, Тьоднума — третья. // Нют и Нёт, Нённ и Хрённ, // Слип и Хрид, Сильг и Ильг, // Вид и Ван, Вёнд и Стрёнд, // Гьёлль и Лейфтр, — те в землях людей>⁴;

тула коней: «Glaðr oc Gyllir, Glær oc Sceiðbrimir, // Silfrintopp oc Sinir, // Gísl oc Falhófnir, Gulltoppr oc Léttfeti, // þeim ríða æsir íóm» (Grm., 30) <Гюллир и Гляд, Глер и Скейдбримир, // Силин и Сильвринтопп, // Фальхофнир, Гисль, Гультопп и Леттфети — // те кони носят асов на суд>⁵;

тула оленей: «Hirtir ero oc fíorrir <...> // Dáinn oc Dvalinn, // Duneyrт oc Duragróg» (Grm., 33) <Оленей суть четверо <...> // Даин и Двалин, // Дунейр и Дюратрор>;

тула змей: «Ormar fleiri liggia undir asci Yggdrasils, // <...> Góinn oc Móinn — þeir ero Grafvitnis synir —, // Grábacr oc Grafvölliðr, // Ofnir oc Sváfniр...» (Grm., 34) <Змей много лежит под ясенем Иггдрасилем, // Гоин и Моин — Граввитнира дети, — Грабак и Граввёллуд, // Офнир и Свафнир...>⁶;

тула валькирий: «Hrist oc Mist vil ec at mér horn beri, // Sceggiöld oc Scögul, // Hildi oc Þrúði, Hlöcc oc Herfiötur, // Göll oc Geirölul; // Randgríð oc Ráðgríð oc Reginleif, // þær bera einheriom öl» (Grm., 36) <Христ и Мист пусть рог мне подносят, // Скеггьёлд и Скёгуль, // Хильд и Труд, Хлёкк и Херфьётур, // Гейр и Гейрлёуль, // Рандгррид и Радгррид, и Регинлейв // цедают пиво эйнхериям>⁷;

тула имен Одина: «Hétomc Grímr, hétomc Gangleri, // Herian oc Híálmberi, // Þecr oc Þriði, Þundr oc Uðr, // Helblindi oc Hár» (Grm., 46) <Звался я Грим, звался

⁴ М. И. Стеблин-Каменский отмечает, что «большая часть названий рек в строфах 27–29 понятна. Так, *Сид* — “медленная”, *Вид* — “широкая”, *Сёкин* — “спешащая вперед”, *Эйкин* — “бушующая”, *Свёлъ* — “холодная”, *Гейрвимуль* — “кишащая копьями”, *Сильг* — “глотающая”, *Ильг* — “волчица”, *Лейфтр* — “молния” и т. д. Но есть среди них и такие, как *Рейн* и *Вина* (Двина?)» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

⁵ Ср. ясные имена коней: «*Гюллир* — “золотистый”, *Гляд* — “веселый”, *Глер* — “светящийся”, *Скейдбримир* — “фыркающий на бегу”, *Сильвринтопп* — “с серебристой холкой”, *Фальхофнир* — “с копытами, покрытыми волосами”, *Гисль* — “сияющий”, *Гультопп* — “с золотистой холкой”, *Леттфети* — “легконогий”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

⁶ «Не все значения имен змей в строфе 34 ясны. Характерны: *Грабак* — “серая спина”, *Офнир* — “свиватель”, *Свафнир* — “усыпитель”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

⁷ «Не все имена валькирий, которые приводятся в строфе 36, понятны. Наиболее характерны: *Хильд* — “битва”, *Труд* — “сила”, *Гейр* — “копье”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

Ганглери, // Херьян и Хьяльмбери, // Текк и Триди, Тунд и Уд, // Хар и Хельблинди>; «*Saðr oc Svipall oc Sanngetal, // Herteitr oc Hnicarr, // Bileygr, Báleygr, Bölvercr, Fiölnir, // Grímr oc Grímnir, Glapsviðr oc Fiölsviðr*» (Grm., 47) <Санн и Свипуль, и Саннгеталь тоже, // Бильэйг и Бальэйг, // Хертейт и Хникар, // Гримнир и Грим, Глапсвинн и Фьёльсвинн>; «*Síðhött, Síðsceggr, Sigföðr, Hnicuðr, // Alföðr, Valföðr, Atríðr oc Farmatýr*» (Grm., 48) <Сидхёгг, Сидскегг, Сигфёдр, Хникуд, // Альфёдр, Вальфёдр, Атрид и Фарматюр>; «*Grímnir mic héto at Geirraðar, // enn Iálc at Ösmundar, // enn þá Kialar, er ec kíalca dró; // Þrór þingom at, Viðurr at vígom, // Ósci oc Ómi, Iafnhár oc Biflindi, // Göndlir oc Hárbarðr með goðom*» (Grm., 49) <Гримниром меня называли у Гейррёда, // и Яльк у Асмунда, // Кьялар, когда сани таскал; // Троп на тингах, Видур в боях, // Оски и Оми, Явнхар и Бивлинди, // Гёндлир и Харбард>*; «*Sviðurr oc Sviðrir, er ec hét at Söccmímis*» (Grm., 50) <Свидур и Свидрир я назывался у Сёккмимира>*; «*Óðinn ec nú heiti, Yggr ec áðan hét, // hétome Þundr fyrir þat, // Vacr oc Scilfingr, Váfuðr oc Hroptatýr, // Gautr oc Iálc með goðom, // Ofnir oc Sváfnir, er ec hygg at orðnir sé // allir af einom mér*» (Grm., 54) <Один ныне зовусь, Игг звался прежде, // Тунд звался до этого; // Вак и Скильвинг, Вавуд и Хроптатюр, // Гаут и Яльк у богов, // Офнир и Свафнир, но думаю я, что стали // все <имена> мной одним>*.

Номинации субъекта песни — Одина

«**Один**»: «*Heill scaltu, Agnarr, allz þic heilan biðr // Veratýr vera*» (Grm., 3) <Благ будь, Агнар, — тебе пожелал // Бог людей благим быть>*⁸; «*Söcqvabeccr heitir inn fiórði <...> // þar þau Óðinn oc Sága drecca um alla daga, // glöð, ór gullnom kerom*» (Grm., 7) <Сёкквабекк называется четвертый <...> // там Один и Сага пьют каждый день // из чаш златокованных>*⁹; «*enn þar Hroptr kýss hverian dag // vápnauða vera*» (Grm., 8) <там Хрофт собирает воинов храбрых, // убитых в бою>; «*Miös er auðkent, þeim er til Óðins koma, // salkynni at síá*» (Grm., 9; 10) <Легко узнать тому, кто к Одину приходит // чертог увидеть>*; «*hálfan val hon kýss hverian dag, // enn hálfan Óðinn á*» (Grm., 14) <половину воинов, погибших в битвах, она выбирает каждый день, // а половину имеет Один>*; «*Gera oc Freca seðr gunntamiðr, // hróðigr Heriaföðr, // enn við vín eitt vápngöfugr // Óðinn æ lifir*» (Grm., 19) <Гери и Фреки кормит знаменитый // Ратей Отец¹⁰; // но вкушает одно вино воинственный, // Один всегда жив>*; «*er þú ert míno gengi, // öllom einherio, oc Óðins hylli*» (Grm., 51) <отныне лишен ты подмоги моей, // эйнхериев помощи, милости Одина>; «*nú knáttu Óðin síá, // nálgastu mic, ef þú megir!*» (Grm., 53) <теперь можешь ты увидеть Одина, // приблизься ты ко мне, если ты смеешь>*;

⁸ Обращаясь к Агнару, Один называет себя не в первом лице, а в третьем, используя одно из своих имен — Бог людей.

⁹ В своей реплике Один, упоминая о себе, говорит не «я и Сага», а «Один и Сага».

¹⁰ «*Ратей Отец — Один*» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

«я»: «loði sviðnar, þótt ec á lopt berac» (Grm., 1) <ткань тлеет, хотя я на воздух поднял (ее)>*; «Átta nætr sat ec milli elda hér, // svá at mér mangi mat né bauð» (Grm., 2) <Восемь ночей сидел я между огней здесь, // так что никто не давал мне пищи>*; «Land er heilact, er ec liggia sé ásom oc álfom nær» (Grm., 4) <Священную землю я вижу лежащей // близ асов и альвов>; «á því landi, er ec liggia veit // fæsta feicnstafi» (Grm., 12) <на той земле, которая, я знаю, лежит, // меньше всего злодейств>*; «óomc ec of Hugin, at hann aprt né komið, // þó síámс meigt um Munin» (Grm., 20) <боюсь я за Хугина, что не вернется, // хотя больше страшусь за Мунина>*; «Fimm hundruð gólfa oc um fiórom togom, // svá hygg ec Bilscírni með bugom» (Grm., 23, 24) <Пять сотен палат и сорок еще, // я думаю, Бильскирнир вмещает>*; «Ofnir oc Sváfñir hygg ec at æ scyli // meids qvisto má» (Grm., 34) <Офнир и Свафнир, – // думаю я, всегда будут грызть ветви дерева>*; «biörg oc brim ec veit at brenna scolu» (Grm., 38) <горы и море, я знаю, должны сгореть>*; «Svipom hefi ec nú ypt fyr sigtíva sonom» (Grm., 45) <Лик свой открыл я асов сынам>; «eino nafni hétomc aldregi, // síz ec með fólcom fórg» (Grm., 48) <одним именем никогда не назывался, // с тех пор как я с дружиной странствовал>*; «Sviðugt oc Sviðgír, er ec hét at Söccmímis» (Grm., 50) <Свидур и Свидрир я назывался у Сёккмимира>*; «þá er ec Miðvíðnis varc ins mœra burar // orðinn einn bani» (Grm., 50) <когда я Мидвитнира сыну знаменитому // стал убийцей>*; «Óðinn ec nú heiti, Yggr ec áðan hét» (Grm., 54) <Один я ныне называюсь, Игг я звался прежде>; «Ofnir oc Sváfñir, er ec hygg at orðnir sé // allir af einom mér» (Grm., 54) <Офнир и Свафнир, но думаю я, что стали // все <имена> мной одним>*; «ganna þeira, er ec rept vita, // míns veit ec mest magar» (Grm., 24) <из всех чертогов, которые, я знаю, покрыты кровлей, // знаю я, лучший у моего сына>*; «Fiðld ec þér sagða, enn þú fát im mant» (Grm., 52) <Много я тебе сказал, но мало ты помнишь>*; «Eggmóðan val nú mun Yggr hafa, // þitt veit ec líf um liðit» (Grm., 53) <Мечом пораженного должен теперь Игг получить; // я знаю, твоя жизнь завершилась>*; «mæki liggia ec sé míns vinar // allan í dreyra drifinn» (Grm., 52) <вижу я меч прежнего друга, // кровью покрыт он>; «Hrist oc Mist vil ec at mér horn beri» (Grm., 36) <Христ и Мист, я хочу, чтобы мне рог поднесли>*; «er þú ert míno gengi, // öllom einherio, oc Óðins hylli» (Grm., 51) <отныне лишен ты подмоги *моей*, // эйнхериев помощи, милости Одина>; «nú knáttu Óðin síá, // nálgastu mic, ef þú megir!» (Grm., 53) <теперь можешь ты увидеть Одина, // приблизься ты ко мне, если ты смеешь>*.

Предикаты субъектов творения

«Называть(ся)»: «...nefndiz Grímnir» (Grm., проз. 28) <...назвался Гримнир¹¹>; «Hétomc Grímr, hétomc Gangleri» (Grm., 46) <Звался я Грим, звался Ганглиери>;

¹¹ «Гримнир — «скрывающийся под маской», одно из имен Одина» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

«eino nafni hétomc aldregi, // síz ec með fólcom fór» (Grm., 48) <одним именем я никогда не назывался, // с тех пор как с дружиной странствовал>*; «Grimnir mic héto at Geirraðar» (Grm., 49) <Гримниром меня называли у Гейррёда>*; «Sviðurr oc Sviðrir, er ec hét at Söccmímis» (Grm., 50) <Свидур и Свидрир я назывался у Сёккмимира>*; «Óðinn ec nú heiti, Ygg ec áðan hét, // hétomc Þundr fyrir þat» (Grm., 54) <Один ныне зовусь, Игг звался прежде, // Тунд звался до этого>.

Предикаты объектов творения

«**Называться**»: «Ýdalir heita, þar er Ullr hefir // sér um gorva Sali» (Grm., 5) <Идалир¹² называется, где Улль // себе имеет чертог>*; «Válasciálf heitir, er vélti sér // áss í árdaga» (Grm., 6) <Валаскьяльв называется, там правил себе // ас в древнее время>*; «Söcqvabeccr heitir inn fiórði, enn þar svalar knego // unnir yfir glymia» (Grm., 7) <Сёкквабекк называется четвертый, там прохладные волны // плещут над ним>*; «Glaðsheimr heitir inn fimti, þars en gullbiarta // Valhöll víð of þrumir» (Grm., 8) <Гладсхейм¹³ называется пятый, там ярко-золотая // Вальхалла лежит>*; «Þrumheimr heitir inn sétti, er Þiazi bió» (Grm., 11) <Трюмхейм¹⁴ называется шестой, где Тьяци обитал>*; «Valgrind heitir, er stendr velli á, // heilog, fug helgom durum» (Grm., 22) <Вальгринд¹⁵ называется, который стоит в поле, // священный, перед святыми вратами>*; «Heiðrún heitir geit, er stendr höllo á Heriaföðrs» (Grm., 25) <Хейдрун называется коза, которая стоит у чертога Отца войска>*; «Eicþurnir heitir hiörtr, er stendr höllo á Heriaföðrs» (Grm., 25) <Эйктюрнир¹⁶ называется олень, который стоит у чертога Отца войска>*; «Vina heitir enn, önnor Vegsvinn, // þriðia Þjóðnuma» (Grm., 28) <Вина называется одна, другая — Вегсвин, // третья — Тьёднума>*; «Ratatoscr¹⁷ heitir ícorni, er renna scal // at asci Yggdrasil» (Grm., 32) <Рататоск называется белка, которая должна сновать // по ясеню Иггдрасиль>*; «Svöl heitir, hann stendr sólo fyrir, // sciöldr, scínanda goði» (Grm., 38) <Свёл¹⁸ называется, он стоит перед солнцем, // щит, перед сияющим божеством>*; «Scöll heitir úlfr, er fylgir ino scírleita goði // til varna víðar» (Grm., 39) <Сколь называется волк, который следует за сияющим божеством <солнцем> // до леса>.*

¹² «Идалир — “долины тисов”. Из тиса делались луки, а лук — атрибут бога Улля» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

¹³ «Гладсхейм — “жилище радости”» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

¹⁴ «Трюмхейм — “жилище шума”» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

¹⁵ «Вальгринд — “ворота мертвых”, название ворот Вальхаллы» [Стеблин-Каменский, 1963, 224].

¹⁶ «Эйктюрнир — “с дубовыми кончиками рогов”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

¹⁷ «Рататоск — “грызозуб”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

¹⁸ «Свёл — “охладитель”» [Стеблин-Каменский, 1963, 225].

На основании анализа эддических данных можно обнаружить некоторые тенденции, характеризующие специфику функционирования имени собственного.

1. Между с у б ъ е к т а м и (богами, прежде всего главой древнеисландского пантеона Одином) и о б ъ е к т а м и творения наблюдается *изоморфизм*, сущность которого состоит в том, что устанавливается внутренняя связь, проявляющаяся в использовании одного и того же предиката «называться»: «...*nefndiz Grímnir*» (Grm., проз. 28) <...назвался Гримнир>; «*Söcqvabeccr heitir inn fjórði, enn þar svalar knego // unnir yfir glymia*» (Grm., 7) <Сёкквабекк называется четвертый, там прохладные волны // плещут над ним>*. Нейтрализация противопоставления активного и пассивного аспектов объясняется особым сакральным статусом, который может быть присущ как творцу, так и творению в космогоническом мифе и — прежде всего — в ситуации тезоименитства¹⁹.

2. В «Речах Гримнира» перечисляются мифологические локусы — чертоги богов («третий», «четвертый», <...> «одиннадцатый»), миры (Хель — «первый», великанов — «второй», людей — «третий»), а также реки²⁰. Если принять во внимание то обстоятельство, что в «Речах Вафтруднира» представлен список вопросов и ответов о происхождении элементов Вселенной, сопровождающихся определенной числовой последовательностью («первое», «второе», «третье», <...> «двенадцатое»), то можно предположить, что порядковое числительное кодирует последовательность возникновения объектов творения в процессе космогенеза, и при этом выстраивается такой семантический ряд: земля и небо — «первые», луна — «вторая», день — «третий» и т. д.; подземное царство — «первое», обитель великанов — «вторая», мир людей — «третий», чертог Сёкквабекк — «четвертый»,

¹⁹ Ср., в частности, грамматические аналоги данного феномена, например, в кетском существительные среднего рода, обозначающие не только неодушевленные, пассивные объекты или инструменты, но и неодушевленные активные сакральные предметы [Дульзон, 1968, 63–68].

²⁰ Ср. соответствующие контексты: «*Вæг er sá inn þriði, er blíð regin // silfri þöcþo salí*» (Grm., 6) <Третий есть двор, серебром он украшен // благими богами>; «*Söcqvabeccr heitir inn fjórði, enn þar svalar knego // unnir yfir glymia*» (Grm., 7) <Сёкквабекк называется четвертый, там прохладные волны // плещут над ним>*; «*Glaðsheimr heitir inn fimti, þars en gullbiarta // Valhöll víð of þrumir*» (Grm., 8) <Гладсхейм называется пятый, там ярко-золотая // Вальхалла лежит>*; «*Þrumheimr heitir inn sétti, er Þiazí bió*» (Grm., 11) <Трумхейм называется шестой, где Тязи обитал>; «*Breiðablic ero in siundo, enn þar Baldr hefir // sér im gerva salí*» (Grm., 12) <Брейдаблик есть седьмой, там Бальдр имеет // себе чертог>*; «*Himinbiörg ero inn átto, enn þar Heimdall qveða valda véom*» (Grm., 13) <Химинбьёрг есть восьмой, Хеймдалль, говорят, там правит святыней>*; «*Fólcvangr er inn níundi, enn þar Freyia ræðr // sessa kostom í sal*» (Grm., 14) <Фолькванг есть девятый, там Фрейя правит // выбором мест в чертоге>*; «*Glitnir er inn tíundi, hann er gulli studdr*» (Grm., 15) <Глитнир есть десятый, он столбами из золота укреплен>*; «*Nóatún ero in ellipto, enn þar Niörðr hefir // sér um gorva salí*» (Grm., 16) <Ноатун есть одиннадцатый, там Ньёрд // себе построил чертог>*; «*Vína heitir enn, önnor Vegsvinn, // þriðia Þjóðnuma*» (Grm., 28) <Вина называется одна, другая — Вегсвин, // третья — Тьёднума>*; «*Hel býr undir einni, annarri hrímþursar, // þriðio mennzcir menn*» (Grm., 31) <Хель живет под одним <корнем Игдрасиля>, инеистые великаны — под другим, // под третьим — людские люди>*.

чертог Гладсхейм — «пятый» и пр. Иными словами, имя собственное, занимающее определенное место в числовой последовательности, имплицитно соответствует элементу космизированной Вселенной, отсылая не только ко времени его возникновения в мифе творения, но и одновременно к его ценностным характеристикам, т. е. земля и небо — «первые» появились во времена первотворения, и они «первые» (лучшие) по своей значимости и т. д.

3. В «Речах Гримнира» наблюдается *чередование местоимений* первого лица и имени бога, служащих для обозначения одного и того же субъекта — Одина. Этот феномен может быть зафиксирован и в пределах одной строфы, ср., в частности: «er þú ert *míno* gengi, // öllom einherio, os *Óðins* hylli» (Grm., 51) <отныне лишен ты подмоги *моей*, // эйнхериев помощи, милости *Одина*>; «nú knáttu *Óðin* síá, // nálgastu *mic*, ef þú megir!» (Grm., 53) <теперь можешь ты увидеть *Одина*, // приблизься ты ко *мне*, если ты смеешь>*. На основании эддических данных можно констатировать, что использование многочисленных имен служит для сокрытия подлинной сущности субъекта песни — верховного бога скандинавского пантеона, в то время как прямая номинация («Один») стилистически нейтральна и не провоцирует собеседника к разгадыванию истинной сути своего противника²¹, а употребление местоимения первого лица по отношению к Одину служит для моментального отождествления одного из участников испытания и мгновенно обеспечивает Одину победу. Самоидентификация Одина в финале песни, отказ от его многочисленных имен и прямая номинация («я», «Один») могут рассматриваться как особое экстатическое состояние, при котором открываются высшие знания о происхождении и устройстве Вселенной, а также подлинная сущность самого Одина.

Для того чтобы более надежно верифицировать рассматриваемое явление, считаем целесообразным привести аналогичный пример из «Речей Высокого», в котором действуют схожие механизмы. В наиболее релевантной в композиционном отношении III строфе, где Один уподобляется жрецу — тулу, провозглашающему высшие знания (руны) с ритуального престола, и где возвышенный стиль достигает кульминации, Один говорит о себе в первом лице (ср. пять местоимений первого лица и две энклитики) и одновременно дважды называет себя «Высоким»: «Mál er at þylja þular stóli á Urðarbrunni at, // sá *ek* ok þagðak, sá *ek* ok hugðak, // hlydda *ek* á manna mál; // of rúnar heyrða *ek* dæma, né of ráðum þögðo, // Háva höllu at, Háva höllu í, // heyrða *ek* segja svá» <Пора с престола тула поведать у источника Урд; // смотрел я в молчанье, смотрел я в раздумье, // слушал слова я; // говорили о рунах, давали советы у дома *Высокого*, в доме *Высокого* // так толковали>.

В исследуемых строфах верховный бог скандинавского пантеона, произносящий «Речи Высокого», предстает в различных ипостасях: «я» —

²¹ Это означает, что собеседник Гейррёда может и не быть Одним; имя Одина может упоминать не сам бог, а кто-то другой.

«Один» — «Высокий» — «он»²². Очевидно, расподобление личности Одина связано с отражением разных состояний, смена которых и мотивирует выбор того или иного наименования. Обычное для монолога местоимение первого лица постепенно переходит в местоимение третьего лица, свидетельствующее о погруженности субъекта в себя, достижении экстаза²³, при котором душа как бы отделяется от тела и смотрит на него со стороны, — неслучайно, что это явление типично для описания «предельного» состояния Одина, познавшего «мед поэзии», символизирующий высшую мудрость. Сфера третьего лица, реализуемая как именами собственными («Один», «Высокий»), так и местоимением третьего лица («он»), отражает определенную градацию состояний бога, проходящего искушение познанием: п е р в у ю ступень, которой соответствует нейтральный теоним — «Один»; в т о р у ю ступень максимальной концентрации энергии в момент н а и в ы с ш е г о подъема интеллектуальных и эмоциональных сил (хейти «Высокий» как раз и воплощает в е р ш и н у напряжения); т р е т ь ю ступень, характеризующую постепенный спад воодушевления («он»).

В «Речах Гримнира» упор делается на *имени* как носители уникальной информации об объекте, воплощающем идею номинализма в чистом виде. В частности, тулы служат для перечисления в идеале в с е х (или максимально бóльшего количества) денотатов, образующих определенную группу, например рек, оленей или змей. В этом отношении данное явление можно сравнить с энциклопедичностью и универсальностью заговора, отражающего многочисленные классификационные схемы модели мира²⁴. Прозрачная семантическая мотивировка имени употребляется для *экспликации* ключевых признаков денотата.

Имя может выполнять в «Речах Гримнира» и п р о т и в о п о л о ж н у ю функцию — *скрывать* истинную сущность явления или субъекта, ср. имя Одина — Гримнир, букв. «Маску имеющий», не желающего, чтобы Гейррёд узнал его. Не отрицая того, что в данном случае не исключен один из вариантов распространенного в разных мифологиях мотива посещения переодетым богом пира с целью испытать гостеприимство хозяина и в зависимости от его поведения либо вознаградить его, либо воздать ему по заслугам, следует трактовать

²² Ср. редуцированный вариант, когда Один называется «великим тулом», а затем это наименование заменяется местоимением третьего лица в строфе 80: «*Þat er þá reynt, er þú að rúnum sprung // inom reginkunnum, // þeim er gordo ginnregin // ok fáði fimbulpulr; // þá hefir hann balt, ef hann þegir*» <Вот что отвечу, когда вопрошаешь о рунах // божественных, // что создали великие боги, // а вырезал великий тул: // он будет чувствовать себя лучше, если он промолчит>*.

²³ Ср. мену местоимений, характеризующих вэльву в «Прорицании вэльвы», — «я» / «она». По мнению Гутенбруннера, в данной песне оно имеет тот смысл, что «я выражает обращенность к слушателям, а она — погруженность в себя» [Gutenbrunner, 1957, 12].

²⁴ Ср. «перечисление болезней и органов тела, которые они должны покинуть в заговорах от болезней, обозначения оружия в заговорах против врагов, перечень благоприятных погодных условий в заговорах на хорошее путешествие, список животных в заговорах против похищения скота, собак или пчел» [Топорова, 1996, 91].

имя в эпистемологической перспективе. Не подлежит сомнению, что «в конечном счете <...> Водан = Один стал представлять духовную власть и мудрость как первую функцию бога в трехфункциональной системе (другие функции — военная сила и богатство-плодородие), которую Ж. Дюмезиль считает специфичной для индоевропейских мифологий» [МНМ, 2, 241]. Сокрытие подлинных имен участниками поединка в мудрости — знании тайн происхождения элементов Вселенной — типичная стратегия поведения героев в «Старшей Эдде». Ср. хитрость и искушенность обоих участников словесного соревнования в «Речах Вафтруднира», реализуемые в их именах: внутренняя форма имени великана недвусмысленно свидетельствует о его особых дарованиях в области познания — др.-исл. *Vaf-ðrúðnir*, букв. «Запутывания силу (имеющий)»; Один вступает в поединок не под своим настоящим именем (он называется Гагнрад — «Победой правящий») и, следовательно, скрывает свою истинную суть, момент его самоотождествления происходит лишь в самом конце состязания и приводит к его победе. Сокрытие имени или использование множества имен сопровождается в «Речах Гримнира» и меной обличьями (на это намекает само его имя — Гримнир, букв. «Маску имеющий»).

Антитеза *имени* — *эксplikатора* и *имени* — *импликатора* свойств субъекта и объекта может нейтрализоваться в определенных ситуациях. Для того чтобы оценить роль имени в структуре «Речей Гримнира», следует обратить внимание на одно обстоятельство. Один является носителем высших знаний о космогенезе, ключевая сцена этой эддической песни описывает жертвоприношение Одина: он посажен между двух костров и в течение восьми дней лишен воды и пищи. Этот эпизод заставляет вспомнить самопожертвование Одина, повесившегося на мировом древе (ясене Иггдрасиле) и пронзенного копьем ради приобщения к высшей мудрости²⁵. Эти жертвоприношения напоминают шаманскую инициацию, знакомство с которой становилось возможным отчасти и под влиянием финско-саамского этнокультурного окружения [МНМ, 2, 242]. На наш взгляд, более всего приблизиться к интерпретации этой песни удалось Ульсену, который истолковал мифологические сведения, сообщаемые Одним, как галлюцинации, вызванные пыткой, а перечни имен — как заклинания [Olsen, 1933]. Тем не менее и эта трактовка нуждается в некоторых уточнениях. Основываясь на концепции Ульсена, можно выдвинуть следующую гипотезу: хаотичность излагаемых Одним мифологических сведений — лишь видимость, поэтому

²⁵ О правомерности такого сравнения см. [МНМ, 2, 242]: «Это “жертвоприношение” Одина, описанное в “Речах Высокого”, в “Старшей Эдде” представляет, однако, не столько воинскую, сколько шаманскую инициацию. Это миф о посвящении первого шамана (ср. близкий сюжет в “Речах Гримнира”: Один под видом странника Гримнира, захваченный в плен конунгом Гейррёдом, восемь ночей мучается между двух костров, пока юный Агнар не дает ему напиток, после чего Один начинает вещать и заставляет Гейррёда упасть на свой меч)».

не возникает необходимости реконструировать первоначальную форму песни²⁶. В «Речах Гримнира» не стоит искать интерполяций, их нужно воспринимать как единое целое. Выделение двух частей — мифологических сведений и перечней имен — лишено основания, так как эти составные части восходят к общему источнику: в акте жертвоприношения²⁷ Один постигает информацию о происхождении и устройстве Вселенной, причем имена собственные представляют как о б ъ е к т ы — персонифицированные элементы Вселенной в концепции космогенеза (реки, олени), так и с у б ъ е к т о в (валькирий, бога Одина). Поэтому не что иное, как имя собственное является композиционной скрепой, объединяющей две части «Речей Гримнира» — прозаическое обрамление и основную часть повествования.

Для того чтобы доказать истинность этого тезиса, достаточно привести контексты, в которых субъекты и объекты Вселенной выступают в виде списка, как и имена в тулах, причем апеллатив может низводиться до *первого имени*, полученного в мифе творения²⁸. Это явление можно считать еще одним вариантом нейтрализации оппозиции *субъект — объект*, рассматривавшейся ранее. Ср.: «Ascr Yggdrasils, hann er æztr víða, // enn Scíðblaðni scipa, // Óðinn ása, enn íóa Sleipnir, // Bilröst brúa, enn Bragi scálda, // Hábróc hauca, enn hunda Garmr» (Grm., 44) <Дерево *лучшее* — ясьень Иггдрасиль, // лучший струг — Скидбладнир, // лучший ас — Один, лучший конь — Слейпнир, // лучший мост — Бильрёст, скальд лучший — Браги, // и ястреб — Хаброк, а Гарм — лучший пес>. Эддические данные свидетельствуют о том, что в «Речах Гримнира» представлена *идеальная* модель мира, кодируемая *первым и наилучшим* именем, полученным в мифе творения.

Подводя итоги исследования, констатируем, что «Речи Гримнира» могут быть истолкованы как *откровение* верховного бога скандинавского пантеона Одина в акте жертвоприношения, важным признаком которого является *самодентификация* Одина, реализуемая равнозначностью местоимения первого лица, кодирующего Одина, и его *имен*. Специфика «Речей Гримнира» заключается в реализации *идеальной* модели мира в виде списков *имен* с прозрачной внутренней формой, отражающей природу денотата, при этом сами имена собственные изофункциональны как элементам космизированной Вселенной в концепции эддического космогенеза, так и субъекту повествования — Одину.

²⁶ Такие попытки неоднократно предпринимались исследователями «Старшей Эдды» [ср.: Schneider, 1948].

²⁷ Мудрость Одина носит экстатический шаманский характер: «...она оказывается в чем-то сродни хтоническим силам <...> Шаманский характер имеет и поездка Одина в Хель, где он пробуждает вёльву, спящую смертным сном, и выпытывает у нее судьбу богов» [МНМ, 2, 242].

²⁸ Ср. *ascr Yggdrasils* «ясьень Иггдрасиля».

- Гуревич Е. А. Характеризующее хейти в тулах и его прототипы (к проблеме «скальдическая синонимика и мифологическая номинация») // Эпос Северной Европы. Пути эволюции / под ред. Н. С. Чемоданова. М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 96–118.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968.
- МНМ — Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1980–1982.
- Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна ; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 181–213.
- СЭ — Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна ; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963.
- Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М. : Изд-во РГГУ, 1998.
- Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М. : Эдиториал УРСС, 1996.
- Falk Hj. Odensheite. Kristiania: I kommission hos Jacob Dybwad, 1924.
- Gutenbrunner S. Eddastudien III. Über *ek* und *hon* in der *Völöspa* // Arkiv för nordisk filologi. 1957. Bd. 72. S. 7–12.
- Krappe A. H. Odin entre les feux // Acta philologica Scandinavica. 1933. Vol. 8. P. 136–145.
- Olsen M. Fra Eddaforskningen: *Grimnismál* og den høiere tekstkritikk // Arkiv för nordisk filologi. 1933. Bd. 49. S. 263–278.
- Schneider H. Eine Uredda. Halle : Max Niemeyer Verlag, 1948.
- Starý J. Veni, vidi, mori: the eddic poem *Grimnismál* as a dramatic and mythological unity // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 1 / Germanistica Pragensia XXI. 2012. P. 7–35.
- Vries J. de. Om Eddaens Visdomsdigtning // Arkiv för nordisk filologi. 1934. Bd. 50. S. 1–59.

Рукопись поступила в редакцию 12.02.2017

СОКРАЩЕНИЯ

проз. — прозаическое

* * *

Топорова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела германских языков
Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1
E-mail: t1960@list.ru

Toporova, Tatiana Vladimirovna

DrHab, Leading Research Fellow,
Department of Germanic Languages
Institute of Linguistics of the RAS
1/1, Bolshoi Kislovsky In.,
125009, Moscow, Russia
E-mail: t1960@list.ru

Tatiana V. Toporova

Institute of Linguistics of the RAS
Moscow, Russia

PROPER NAME AS A MARKER OF A COSMOGONIC SONG

The purpose of this article is to show the internal integrity of the Eddic *Grímnismál* (*Sayings of Grímnir*), putting forward that the proper name is the key element for understanding the structure and meaning of this Eddic song. The name with transparent semantic motivation can both explicate the key features of denotata in *thulas* that represent comprehensive classification schemes, and implicate them (cf. the multiplicity of names of Odin, concealing his true name and nature). The author considers the end of the song, when Odin unveils his identity, rejects his false names and uses a true one (*I, Odin*), as a marker of Odin's special ecstatic state revealing the knowledge about the origin and the structure of the universe, as well as the true essence of Odin. The opposition of the names explicating the properties of named objects (personalized elements of the universe in the concept of cosmogenesis: rivers, deers, etc.) and subjects (i.e. actors, like Valkyries or Odin himself), on the one hand, and the names implicating them, on the other, is neutralized in the act of sacrifice when Odin comprehends the origin and the structure of the universe. Proper names are, thus, interpreted as a clip uniting the two parts of *Grímnismál* — the prose frame and the main poetic part of the song. The author argues that *Grímnismál* represents an ideal model of the universe embodied by the *first* and *best* proper name.

Key words: Poetic Edda, Old Norse language, proper name, inner form of the name, explicatory and implicatory names, cosmogonic song, ideal model of the universe.

Dulzon, A. P. (1968). *Ketskii iazyk* [The Ket Language]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.

Falk, Hj. (1924). *Odensheite* [Odin's Names]. Kristiania: J. Dybwad.

Gurevich, E. A. (1989). Kharakterizuiushchee kheiti v tulakh i ego prototipy (k probleme "skal'dicheskaiia sinonimika i mifologicheskaiia nominatsiia") [Characterizing Heiti in Thulas and their Prototypes]. In N. S. Chemodanov (Ed.), *Epos Severnoi Evropy. Puti evoliutsii* [The Epic Tradition of Northern Europe. Ways of Evolution] (pp. 96–118). Moscow: Izd-vo MGU.

Gutenbrunner, S. (1957). Eddastudien III. Über *ek* und *hon* in der *Völuspá* [Edda Studies III. On the *ek* and *hon* in *Völuspá*]. *Arkiv för nordisk filologi*, 72, 7–12.

Krappe, A. H. (1933). Odin entre les feux [Odin between the Fires]. *Acta philologica scandinavica*, 8, 136–145.

Olsen, M. (1933). Fra Eddaforskningen: *Grímnismál* og den høiere tekstkritikk [From the Studies of Edda: *Grímnismál* and other Text Criticism]. *Arkiv för nordisk filologi*, 49, 263–278.

Schneider, H. (1948). *Eine Uredda* [An Elder Edda]. Halle: Max Niemeyer Verlag.

Starý, J. (2012). Veni, Vidi, Mori: The Eddic Poem *Grímnismál* as a Dramatic and Mythological Unity. *Acta Universitatis Carolinae. Philologica I / Germanistica Pragensia XXI*, 7–35.

Steblin-Kamensky, M. I. (1963). *Starshaia Edda* [The Elder Edda]. In M. I. Steblin-Kamensky (Ed.), A. I. Korsun (Transl.), *Starshaia Edda. Drevneisländskie pesni o bogakh i gerioikh* [The Elder Edda. Old Icelandic Songs of Gods and Heroes] (pp. 181–213). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Tokarev, S. A. (Ed.). (1980–1982). *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia] (Vols. 1–2). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

- Toporov, V. N. (1998). *Predystoriia literatury u slavian. Opyt rekonstruktsii (Vvedenie k kursu istorii slavianskikh literatur)* [The Pre-History of the Slavs' Literature. An Attempt of Reconstruction (An Introduction to the History of Slavic Literatures)]. Moscow: Izd-vo RGGU.
- Toporova, T. V. (1996). *Iazyk i stil' drevnegermanskikh zagovorov* [Language and Style of Old Germanic Spells]. Moscow: Editorial URSS.
- Vries, J. de (1934). Om Eddaens Visdomsdigtning [On Eddic Wisdom Poetry]. *Arkiv för nordisk filologi*, 50, 1–59.

Received 12 February 2017